

СПЕЦНАЗЪ

ГОСУДАРЕВЪ

Налейте бокалы, раздайте патроны!

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Бабник,
дуэлянт,
пьяница –
словом,
герой!

Сергей Иванович Зверев
Налейте бокалы,
раздайте патроны!
Серия «Спецназ государев»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172093
Налейте бокалы, раздайте патроны! : Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-26578-7*

Аннотация

Поручик лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Сергей Михайлович Голицын дрался на дуэли. Дрался за честь любимой девушки. Дрался со штабс-ротмистром Корфом, которого презирал до глубины души. И для ненависти были веские причины. Поручик подозревал Корфа в одном хорошо известном смертном грехе. Впрочем, прежде чем вывести штабс-ротмистра на чистую воду, Голицыну пришлось продемонстрировать чудеса храбрости и отваги. По заданию командования он отправился на фронт...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	58
Глава 8	66
Глава 9	75
Глава 10	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Зверев

Налейте бокалы, раздайте патроны!

Глава 1

Раннее утро двадцать восьмого июня тысяча девятьсот четырнадцатого года ничем особым отмечено не было. Наступавший день, как и предыдущие, обещал быть великолепным – солнечным и теплым. Звездная ночь, наполненная соловьиными трелями, уже оставила среднерусскую равнину. В свои права вступало раннее утро. Это время – хрупкий переход от тьмы ко дню – и царило сейчас над подмосковным имением Савино.

Живописная река в этом месте делала очередной поворот, и усадебный комплекс, расположенный на высоком холме, оказывался с двух сторон окруженным блестящей, вечно движущейся лентой воды. Сам дом, выстроенный в конце восемнадцатого века при императрице Екатерине в стиле классицизма, виднелся уже издали. Широкая аллея, по которой вот уже несколько столетий ездили кареты, вела к главному входу, украшенному рядом колонн. Впрочем, эпоха рысаков быстро уступила свои права прогрессу. Теперь к колоннаде

стали подкатывать шикарные автомобили, нарушая шумом моторов патриархальную тишину имения.

Огромный парк, раскинувшийся над рекой, разрежали дорожки, затейливо кружившие среди густых кустов и вековых деревьев. Одна из таких тропок, пройдя через кусты роз, круто шла под уклон вниз, к лужайке. Эту овальную поляну окружали старые дубы и клены. Некоторые из них еще помнили тех, кто основал имение полторы сотни лет тому назад. Над кроной деревьев высоко возносилась башенка дворца, выполненная итальянским зодчим, специально приглашенным из Падуи. По ночам на верхнем этаже башни, украшенном высоким, сложной формы куполом, горел яркий фонарь. Это придавало башне сходство с маяком. Только свет от маяка бывает притягательным и спасительным для плывущих в море кораблей.

Огонь часто и был ориентиром, правда не для кораблей, а для влюбленных, тайно встречавшихся в парке под сенью раскидистых деревьев. Несколько историй о любви, случившихся в разное время, и хранил старинный парк. Среди них были и те, что оканчивались «честным пирком и веселой свадьбой», но случались и такие, когда любовь заканчивалась не так счастливо – по-разному выходило.

Однако сегодняшним утром подобных романтических историй не предвиделось. На лужайке за имением находилась группа людей, и причиной их встречи стала дуэль.

Одним из дуэлянтов был молодой человек лет двадцати

пяти – гвардии поручик Сергей Михайлович Голицын, потомок древнего и прославленного российского рода, высокий шатен с мускулистой, изящной фигурой. Серые большие глаза выделялись на лице с правильными, благородными чертами. Харизматичный, одетый в форму своего лейб-гвардии гусарского Его Величества полка, он холодно и пристально смотрел на оппонента, держа в тонких, но сильных руках дуэльный пистолет.

Противником поручика был штабс-ротмистр Корф. Потомок прибалтийских остзейских баронов, он являл собой яркий контраст Голицыну. Штабс-ротмистр происходил из другой породы людей. Невысокого роста, плотного телосложения, на вид ему было около тридцати лет. Небольшие живые глаза, казалось, успевали следить за всем происходящим, причем не только за тем, что рядом. Темные прямые волосы открывали высокий лоб, а черные усики скрывали легкую саркастическую усмешку.

Сейчас они оба должны были сойтись в окончательном разрешении проблемы, возникшей между ними не далее как вчера вечером.

Секундантом поручик Голицын пригласил товарища – высокого блондина-корнета, а барону «помогал» помещик с сонным выражением одутловатого лица.

Дуэль вызвал все тот же вопрос, уже много столетий заставляющий соперников скрещивать шпаги или посылать один в другого пули. Причиной стали барышня и «дело че-

сти». Барон, как и поручик, ухаживал за дочерью хозяйки имения, Ольгой Сеченовой, девушкой прекрасной во многих отношениях. Однако ухаживания штабс-ротмистра, несмотря на всю его настойчивость, не имели ровно никакого успеха – Ольга отвергла потомка балтийских немцев. Тем не менее до самого последнего времени ничто не предвещало грозы, но вчерашний вечер изменил многое.

Именно тогда, во время партии в штос, барон Корф позволил себе двусмысленное замечание в ее адрес. Ольга, наблюдая за карточной игрой, высказала легкое сомнение по поводу честной игры Корфа. Естественно, поручик потребовал сатисфакции. Фраза прозвучала классически: «Имею честь потребовать с вас, барон, удовлетворения!»

– Я вас не понимаю, – пренебрежительно и вместе с тем испуганно прищурился Корф, глядя снизу вверх на поручика. – Я...

– Считаю себя оскорбленной стороной, – как будто не слыша его, продолжил Голицын, – и потому выбор оружия за мной!

– Да что вы, господа, в самом деле?

– О чем идет речь? – послышались голоса тех, кто не совсем понял, что же случилось только что.

– Речь идет о том, что касается лично нас, – заключил поручик. – Не так ли, барон?

– Да, именно так, – медленно произнес Корф, окинув поручика тяжелым взглядом.

– Так что же? – сверля Корфа взглядом, спросил Голицын.

– Извольте... Что же вы выбираете, поручик?

– Пистолеты.

– Прекрасно, – усмехнулся барон. – Я всегда считался неплохим стрелком.

– Тем лучше. В таком случае встречаемся завтра на лужайке за именем в семь часов утра. Честь имею, – с этими словами поручик козырнул и удалился.

Присутствующие снова загудели, обсуждая происшедшее.

Покинув дом, поручик пошел по узкой садовой дорожке, выходящей среди огромных старых деревьев.

– Сергей! – донесся тихий голос со стороны крыльца.

Поручик обернулся. Рядом с колонной стояло это ангелоподобное создание – Ольга, недавняя выпускница Смольного.

– Оля? Что ты здесь делаешь? – удивленно произнес он. – В такой час...

– А как ты сам думаешь? – вопросом на вопрос ответила девушка. – Ведь я же волнуюсь за тебя. Ты вступился за мою честь...

– Разве я мог поступить иначе?

– Вот... я хочу подарить это тебе... – прошептала Ольга, протягивая Голицыну какой-то предмет.

– Что это? – недоуменно взглянул на девушку поручик. В полутьме сразу было не разглядеть.

– Это ладанка. На ней изображен Георгий Победоносец, –

взяв Голицына за рукав, проговорила Ольга. – Это одна из наших семейных реликвий. Она очень древняя. По семейной легенде она существует в нашей семье еще с семнадцатого века. Считается, именно эта ладанка спасла жизнь моему предку во время восстания Пугачева. Когда небольшая сибирская крепость, которой командовал Михаил Сеченов, была взята мятежниками, то новоявленный «царь» предложил оставшимся в живых офицерам вступить в его войско. Все офицеры отказались и были повешены им. Все, кроме Сеченова, которого самозванец все-таки надеялся склонить к сотрудничеству и увез с собой. Позднее Михаилу удалось бежать, – продолжала свое повествование девушка. – Эта же ладанка висела на шее у моего прапрадеда во время войны с Наполеоном. Он находился в гуще сражений, но ни одна пуля не задела его.

– И что же ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты дал слово, что возьмешь ее и повесишь на грудь. Я знаю, я чувствую, что этот предмет будет помогать тебе. Прошу, только не отказывайся.

– Хорошо, – произнес поручик, прижав девушку к себе.

...Высокая трава роняла густые капли росы. Поручик стоял к противнику вполоборота, как обычно стоят на дуэли. Барон выстрелил. Этот звук почти слился с ударом в грудь. Все, естественно, произошло мгновенно, и никаких особых мыслей у Голицына возникнуть никак не могло – времени на это просто не было. Но вот визг пули, срикошетившей от его

груди, сразу же навел на размышления о том, что причиной нежелания кусочка свинца проникнуть в грудь стал именно он, вчерашний подарок Ольги.

«Сработал амулет!» – вихрем промелькнуло в голове у Голицына. Сердце, обмершее на несколько секунд, теперь с усиленной энергией принялось качать кровь.

Теперь наступила очередь поручика. Он всмотрелся в противника. Барон, несмотря на то что старался держаться невозмутимо, пребывал в ужасе. Ожидая ответного выстрела, он побледнел, на лбу выступили холодные капли пота, а левый глаз судорожно подергивался. Было похоже, что Корф уже одной ногой на том свете. Определить его туда окончательно Голицын сейчас и собирался. Медленно подняв руку, поручик поймал в прицел Корфа. Указательный палец плотно лег на спусковой крючок. Рука даже не подрагивала. Вокруг воцарилась мертвая, просто-таки замогильная тишина. В наступившей паузе слышалось, как шелестит крона высокого клена. Поручик прищурил глаз.

– Господа! – слева неожиданно раздался голос Ольги – потрясенный, взволнованный. – Господа!

Голицын, вздрогнув от неожиданности, невольно нажал на спусковой крючок чуть раньше времени и от досады сжал губы.

– Черт! – прошептал он, видя, что пуля не достигла цели. Он промахнулся. Бледный барон, еще не веря своему счастью, опустив голову, напряженно дышал, на шее вздулась

жила. Все обернулись – из-за угла дома выбежала Ольга. В руках она держала газету.

– Вы ведь еще ничего не знаете... В Сараево убили австрийского эрцгерцога Фердинанда! – взволнованно восклицала она. – Какой-то Гаврила Принцип... Это война!

«Боже, как она прекрасна! – подумал, глядя на нее, поручик. – Ради этой девушки можно пойти на все».

– Да, – протянул одутловатый помещик. – Приехали. А ведь это – война. Все, господа, сейчас уже точно не до дуэлей. Вы меня, конечно, извините, ваше дело молодое... Но я вам по-стариковски так скажу: теперь появились дела намного важнее!

Все присутствующие, глядя друг на друга, молча согласились – теперь уж действительно не до дуэли.

* * *

Спустя несколько часов все формальности, связанные с дуэлью и примирением противников, находились уже в завершающей стадии. Компания теперь восседала на веранде за накрытым столом.

– Я со своей стороны приношу извинения, – произнес барон, заглядывая в глаза Голицыну. – Ей-богу, ничего плохого не держал в уме. Прошу прощения у вас, поручик, и у вас, Ольга Александровна.

– Хорошо, – проявляя великодушие, кивнул Голицын. –

Принимается.

Бывшие противники выпили «мировую».

– Вот и прекрасно, господа! – засуетилась хозяйка, мать Ольги – Тамара Никитична. – Все хорошо, что хорошо кончается. Так что оставим все плохое позади. Теперь нужно выпить и закусить, не правда ли?

– Правда, матушка, истинная правда! – прогудел помещик, секундант барона. – Вот и я то же всегда говорю – врагов и за границей достаточно, что же мы будем себя на радость им гробить?

– Не дождутся! – поддержал его корнет. – Мы им всем покажем!

– В таком случае мы – друзья! – громогласно провозгласил Корф. – Я так рад!

– Может, продолжим партию в штос? – невозмутимо предложил поручик.

Все расхохотались. Застольные разговоры, конечно же, шли исключительно о будущей войне. Все были полны чувства патриотизма.

– Мы этим тевтонам покажем!

– Внимание! – воскликнул помещик. – Я в Германии бывал, причем неоднократно. Что такое Германия – мыльный пузырь! Вся их хваленая техника – ничто. Стоит наступить на этот пузырь, наступить русской ногой, и он лопнет. – Он приподнялся из-за стола с рюмкой в руке: – Вот лозунг наших великих дней: все для фронта, все для победы!

Новости из газет, которых уже набрался целый ворох, сводились к одному: в результате покушения в Сараево убиты эрцгерцог Австро-Венгрии Фердинанд и его супруга. Убийство совершил боснийский серб Гаврило Принцип, восемнадцатилетний студент, связанный с националистической сербской организацией «Черная рука». Страсти за столом кипели, все говорили без остановки. Каждый старался высказать свою основную мысль о происходящем.

– Главная национальная задача России заключается в следующем, – перебивал всех один из гостей, известный питерский юрист с черной клинообразной бородкой, – освободить от австро-немецких и турецких оков все мировое славянство вкуче с православными греками и румынами и создать единую федерацию.

– Австро-Венгрия никогда добром не позволит России расчленить Оттоманскую империю, ибо тогда начнут волноваться ее собственные славянские подданные, – убеждал его сосед. – А Германия не позволит ослабить и унижить свою кровную сестру Австрию.

– Сербию мы должны будем поддержать при любых обстоятельствах и любой ценой. Это принципиально!

– А ведь сколько у нас немцев, особенно в армии, – позвонел чайной ложечкой помещик, – как с ними быть?

Неожиданно для него за столом возникла тишина. Помещик говорил эти слова без задней мысли. Но, прозвучав, они приобрели совершенно конкретный и неожиданный

смысл. Все невольно уставились на барона, единственного здесь немца по национальности.

– Я – русский офицер, у меня присяга! – опередил всех Корф. – Ее Величество матушка-императрица тоже немка, но она прежде всего русская патриотка! А кайзер Вильгельм – кузен нашего государя императора! Надеюсь, ни у кого не возникнет сомнений в том, что...

– Какие могут быть сомнения! Все мы, безусловно, знаем вас, барон, как человека глубоко преданного России и государю императору, – развел руками юрист.

– Естественно! О чем речь! – послышались голоса.

– Благодарю вас, господа, – признательно произнес барон и наклонил голову.

– Теперь – в действующую армию, – твердо проговорил Голицын. – Долг каждого военного быть там.

Его слова горячо поддержали все офицеры. Каждый высказал свою решимость взяться за оружие. Застолица шумела.

– Я тоже хочу сказать... – неожиданно раздался голос Ольги.

Все затихли, глядя на девушку, поднявшуюся из-за стола.

– В сложившейся ситуации долг каждой русской девушки – принять участие в войне, – гордо вскинула она голову. – Мы не можем оставаться в стороне. Я тоже русская патриотка и хочу помочь, чем могу. Может, хоть сестрой милосердия... Хотя я и всадница хорошая, и стрелять умею не хуже

вас.

Рядом звякнула ложка. Тамара Никитична взволнованно, со слезами на глазах, глядела на дочь. Отец Ольги, покойный владделец имения – боевой офицер, воевавший в русско-японскую в Порт-Артуре, как мог обучал дочь военным премудростям. Хоть этого многие родственники и знакомые не одобряли, отец с детства брал девочку на маневры. Ольга читала не только женские романы, но и учебники Академии Генерального штаба, удивляя всех и восхищая отца, не чаявшего души в любимой дочери. В прошлом году Александр Петрович скончался от ран, полученных под Мукде-ном и Ляояном.

Последняя реплика Сеченовой была встречена гостями, скажем так, весьма сдержанно. Присутствующие всеми силами постарались скрыть невольно расплывающиеся в улыбке губы. Еще бы – боязнь мышей и военные действия, естественно, не вяжутся между собой. О мышах всем напомнил недавний маленький эпизод, произошедший здесь же в имении. Ольга, решившая удивить гостей своими кулинарными изысками, решительно отстранив кухарку, сама взялась печь какое-то удивительное печенье по старинному бабушкиному рецепту. Кухарка была все-таки оставлена в качестве помощницы. Как девушка деятельная, Сеченова приготовила восхитительное печенье. Во всяком случае, дивные ароматы, царившие в кухне, бесспорно, свидетельствовали об этом. И вот, идя с подносом к гостям, ожидавшим ароматный чай и

сладости, в коридоре она встретила с... мышью. Видимо, от испуга, вместо того чтобы в страхе бежать и спрятаться в какой-нибудь темный угол, маленькое серое существо вдруг ринулось к Ольге и, потеряв всякое понимание реальности, через мгновение оказалось у нее на туфельке. Реакция девушки была впечатляющей. Гости услышали пронзительный визг. Конечно же, печенье вместе с подносом полетело на пол.

Впрочем, это забавное происшествие было забыто всеми через мгновение. Теперь были темы поважнее. В порыве патриотизма все поднялись из-за стола.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй во славу,
Во славу нам! –

над парком звучал гимн на слова князя Львова.

Глава 2

К тысяча девятьсот четырнадцатому году за гегемонию в Европе боролись две военно-политические группировки – Тройственный союз, куда входили Германия, Австро-Венгрия и Италия, и блок, называвшийся Тройственным соглашением, или Антантой, в составе Великобритании, Франции и России.

Поводом для начала военных действий послужило убийство сербским националистом наследника австрийского престола эрцгерцога Фердинанда. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, которую Россия считала своим союзником. В ответ Россия начала всеобщую мобилизацию. Первого августа тысяча девятьсот четырнадцатого года Германия объявила войну России. В свою очередь, Великобритания и Франция объявили войну Германии. Началась Первая мировая война.

Лето четырнадцатого года в России было охвачено забастовочным движением. Германия, конечно, учитывала это в своих расчетах. Но как показало дальнейшее развитие ситуации, в Берлине на этот счет жестоко ошиблись.

С началом войны словно по волшебству внутренние распри в Российской империи на долгое время прекратились. Народы, населявшие огромную страну, казалось, слились в одном чувстве, в одном порыве – дать отпор посягательству

врага на справедливость, на право, на целостность, честь и достоинство Родины. Первые дни и недели войны были отмечены массовым проявлением самоотверженных и добрых чувств, которые повсеместно по России выразились в бесчисленных жертвованиях, в организации сборов, в процентных отчислениях из жалованья и из заработка, в учреждении разных форм общественной помощи семействам лиц, ушедших на войну.

Учреждения, еще вчера жаловавшиеся на отсутствие людей и денег, в дни войны немедленно нашли и деньги для помощи семействам запасных, и людей для сложных общественных работ. Организовывались различного рода общественные собрания, общества и организации, открывавшие лазареты для раненых, столовые для детей и жен призванных запасных и разные другие виды общественной помощи.

Для того чтобы начать разгром противника, требовалось два условия: во-первых, как можно быстрее доставить воинский контингент к месту операций, а во-вторых – наличие во главе армии полководца, способного повести ее к победам. В Российской империи должность Верховного главнокомандующего впервые была введена с самого начала мировой войны. Двадцатого июля по указу Сената ее занял генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич.

Зрелище, развернувшееся на Ходынке, было поистине впечатляющим. Поле издавна использовалось как место проведения военных парадов. Ну а столь значительный день, как проводы на фронт, был обставлен еще более торжественно. Над Ходынским полем летели упругие звуки духовых оркестров. Мелодии, заставлявшие бурлить кровь в жилах, звучали одна за другой – маршевые роты шли на фронт. Следовали орудия в конных упряжках, блестели на ярком солнце золотые погоны офицеров. На трибуне присутствовал сам император-самодержец Николай Второй со свитой. Государь был в приподнятом настроении – это было видно по его горящим глазам, несмотря на то что он всеми силами старался выглядеть мрачным. Священники с кадилами, стоявшие на всем пути следования войск, звероподобными возгласами оглашали победу «христолюбивому воинству». Огромное количество восторженного населения, провожавшего защитников «веры, царя и Отечества», было непоколебимо уверено, что война завершится через какие-то пять-шесть месяцев полной победой.

– Вы знаете, что происходило на Дворцовой площади? – рассказывал господин в золотом пенсне стоящему рядом старику благообразного вида. – Я вам скажу, зрелище было еще более впечатляющим. Площадь переполнили тысячи зевак,

толпы возбужденных людей, несших флаги, иконы, ожидающих появления монарха, чтобы в его присутствии выразить свои патриотические чувства. На той стороне Невы, куда царь должен был прибыть из Петергофа, тысячи людей толпились на мостах и набережных реки, распевая и выкрикивая приветствия. Реку всю сплошь покрывали яхты, пароходы, парусники. При появлении семьи прокатились волны приветственных криков: «Батюшка, батюшка, веди нас к победе!»

– А как была одета императорская чета? – поинтересовался морщинистый собеседник в очках.

– Самодержец – в парадный мундир пехотного полка, Александра Федоровна – в белое платье. Она подняла поля своей нарядной шляпы, чтобы народ мог видеть ее лицо. Четыре великие княжны шли за царем и императрицей. Царевич, еще не поправившийся после несчастного случая, остался в Петергофе. И вот, представьте себе – сжав руки друг друга, человек в военной форме и женщина в белом платье стояли на балконе и плакали вместе с народом! – возбужденно повествовал господин в пенсне. – Для тех, кто стоял тогда на коленях, царь являлся действительным самодержцем – военным, политическим и религиозным диктатором, абсолютным хозяином души и тела народного.

– Да, действительно... – покачал головой старик.

– И так по всей империи, вы только посмотрите: взрыв воодушевления, толпы народа на улицах, смех, слезы, пе-

ние, возгласы, поцелуи. Волна патриотизма захлестнула Россию. Рабочие, еще недавно погрязшие в стачках, в своих бесконечных требованиях, и те оставили свои революционные флаги и взяли в руки иконы, портреты царя. Студенты покидают университеты и добровольно уходят в армию. «За веру, царя и Отечество» и «На защиту святой Руси» – эти призывы охватили казармы, фабрики, деревни. Офицеров, встречающихся на улицах, теперь восторженно качают на руках! – господин в пенсне снял шляпу, обнажил лысую голову и вытер ее платком. – В эти дни патриотизм населения показал все то, на что способна Русь. А очень скоро мы покажем это на полях сражений.

– Я сам из Воронежа, – кашлянул старик, – и так вам скажу: когда шла война с Японией – ее народ в массе своей у нас в провинции не воспринимал. А что вы хотите – разве простой человек мог понять, зачем нам нужна эта война? А вот сейчас – совсем другое дело. Народ сразу расценил конфликт с Германией как свою кровную войну. Ведь тут каждому дураку понятно, что на карту поставлена судьба России.

– А вы видели, как в Петербурге толпа разгромила немецкое посольство? – вклинился в разговор третий участник, по виду чиновник. – Нет? Вот на это, скажу я вам, стоило посмотреть. На Исаакиевской площади наши горожане, возмущенные вероломством немцев, причесали как следует уродливый храм тевтонского духа. С крыши летели на панель бронзовые кони-буцефалы, вздыбившие копыта над русской

столицей. Люди ворвались внутрь. Вопреки тому, что предсказывал германский посол, гнев толпы был направлен не против собственного правительства, а против Германии и самого германского посла. Конные статуи на крыше были обвязаны веревками, сотни рук схватили и потянули их. Вздыбленные кони кайзера с грохотом упали на мостовую. Причем не было никакого грабежа или мародерства. Ничего подобного! Ведь какие коллекции вин были там у немцев. И что вы думаете – не было выпито ни одной бутылки. Все разбили и вылили в Мойку. Вот так!

– И так будет с тевтонскими вояками! – крикнул господин в пенсне. – Сегодня все: аристократы и крестьяне, военные и рабочие – испытывают одинаковые чувства. Эта война гораздо глубже, чем политический конфликт, это поединок между двумя силами – панславизмом и пангерманизмом. И одна из этих сил должна погибнуть.

Рядом делился впечатлениями представительный господин в цилиндре:

– Торжественный молебен и чтение манифеста в Николаевском зале Зимнего дворца произвели на всех, в том числе и на меня, неизгладимое впечатление. Посреди зала находились наши святыни: образ Спасителя из домика Петра Великого и Казанская Божья Матерь. Когда певчие запели «Спаси, Господи», все стали петь хором, и почти у всех на глазах заблестели слезы. Речь государя еще больше подняла настроение, – рассказывал «цилиндр». – Казалось, что Гос-

подъ всемогущий через него говорил с нами, и когда государь сказал: «Благословляю вас на ратный бой», – все встали на колени. Особенно сильно было сказано: «Я здесь перед вами торжественно заявляю, доколе хоть один неприятель останется на земле русской, я не заключу мира». Эти слова были встречены таким «ура», которого никто никогда не слышал! – Рассказчик на мгновение замолк и оглядел всех тех, кто его слушал, наслаждаясь впечатлением. – В этом несмолкаемом звуке как будто звучал ответ создателю на его призыв стать всем на защиту Родины, царя и поправленных прав нашей великой Родины.

– Ну а дальше-то что?

– Из Николаевского зала государь прошел на балкон, выходящий на Александровскую площадь. Ее всю заполнил народ, от дворца вплоть до зданий штабов. При появлении государя все встали на колени. В эти короткие минуты Россия переродилась. Самосознание воскресло у всех, чувство долга стало на первое место, и вся мобилизация прошла при таком блестящем порядке, которого никто не ожидал! Наплыв запасных у воинских начальников превышает предполагаемую норму. Число добровольцев растет с каждым днем, а железные дороги работают выше всякой похвалы! – настроение у рассказчика, да и у всех присутствующих было превосходное.

А рядом мерно и четко шагала русская гвардия – рослые молодцы, кровь с молоком, косая сажень в плечах, воспитан-

ные погибать, но не сдаваться. По всей стране гремели литавры, брусчатые мостовые покрывались ковром из цветов, летевших под ноги войскам, идущим на фронт. На западе дела союзников обстояли, однако, весьма мрачно – немцы шли прямо на Париж.

Чуть в стороне от ликующего народа стояли Голицын и Ольга. Поручик в форме своего полка держал в руке огромный букет великолепных роз – последний подарок любимой девушке. Ольга, повиснув на шее, рыдала, не стесняясь никого. Впрочем, чего же было стесняться – подобные картины происходили на каждом шагу не только здесь, но и по всей необъятной империи. Повсюду можно было увидеть десятки, сотни парочек, прощавшихся – кто надолго, а кто и навсегда.

– Береги себя! – плакала девушка. – Береги ради нас.

Позавчера между молодыми людьми случилось знаменательное событие – помолвка.

– Все будет хорошо, дорогая, – утешал ее Голицын, подкручивая ус. – Мы им покажем, только щепки будут лететь! У немцев нет никаких шансов. Как бы ни сложился начальный этап войны, победа будет за нами.

– Как я без тебя? – глядела на суженого Ольга глазами, полными слез. – Как я буду жить?

– Неужели тебе не нужен любимый, обвешанный наградами, словно новогодняя елка игрушками? – попробовал отшутиться поручик.

– Мне нужен просто любимый, который будет рядом со мной, – не успокаивалась Сеченова. – А если вдруг тебя ранят?

– Ранения только украшают мужчину, – гнул свою линию офицер. – Это ведь широко известная истина. Так что вытрем слезы – все будет хорошо.

– А я окончательно решила, что мое место если и не на фронте, то где-то рядом, – объявила девушка, судорожно комкая платок. – Ведь во время войны тысяча восемьсот двенадцатого года благородные барышни и корпию щипали, и за ранеными ходили...

Наконец наступил момент прощания.

– Мне пора! – Голицын вставил ногу в стремя, а спустя секунду оказался верхом на кауром жеребце. – Даст бог, скоро свидимся!

– Я тоже в это верю! – всхлипнула Ольга. – Обещай мне, что будешь носить ладанку! Она уже раз спасла тебе жизнь и спасет еще раз!

– Обязательно. Ты же знаешь – теперь она всегда со мной!

Горела медь инструментов духовых оркестров. Маршировали полки. Атмосфера всеобщего ликования захватывала всех. Начиналась война.

Глава 3

Прошло несколько месяцев...

Война, названная с самого начала просто и ясно «Отечественная», набирала свои обороты. Такое название она получила неслучайно. В народных массах все происходящее сейчас воспринималось аналогично событиям тысяча восемьсот двенадцатого года, вызвавшим тогда небывалый подъем лучших чувств в русском обществе. Подобная задача была поставлена и сейчас. Эта война должна была создать такой же эффект – сплотить российское общество, такое разное, особенно в последние годы. Однако все не стало таким простым, как виделось вначале, и оказалось совсем не таким скоротечным, как могло показаться. Эта война была уже новой формации – использование пулеметов, минометов, подводных лодок, самолетов, новых тактических схем...

В штабе русского Северо-Западного фронта в этот день было оживленно. На совещании, проходившем на втором этаже небольшого домика, командующий, генерал Жилинский, планировал наступление. Тут же присутствовали генералы Самсонов, Ренненкампф и Орановский.

Северо-Западный фронт готовился к удару по Восточной Пруссии, дабы оттянуть силы немцев от Парижа. Наступать приходилось в сложных условиях. Времени на подготовку операции практически не было: ее срочность диктова-

лась просьбой о помощи со стороны Франции, подвергшейся мощному удару германской армии. Французский посол в России Палеолог взывал к Николаю II: «Я умоляю Ваше Величество приказать Вашим войскам немедленное наступление, иначе французская армия рискует быть раздавленной».

В составе фронта находились две армии. 1-я – генерала Ренненкампа и 2-я – под командованием генерала Самсонова. По замыслу операции, разработанной в Ставке под руководством Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, этими частями и планировалось осуществить наступательную Восточно-Прусскую операцию.

Основные детали были уже обсуждены, но оставались еще некоторые важные моменты.

– Новости у меня по этому поводу следующие, – кашлянул Жилинский. – По нашим данным, пока, правда, непроверенным, немцы собираются использовать на этом участке фронта новое оружие. Причем, надо сказать, доселе невиданное.

– Интересно, ваше превосходительство, – иронично сказал начальник штаба Орановский и прищурился. – Что же это за чудо такое?

– Да вот действительно чудо. И называется оно танк.

– Танк... танк, – вмешался в разговор Ренненкампа. – Это не сухопутный ли крейсер? Что-то я слышал этакое... – генерал пригладил волосы, поблескивая пронзительным взглядом живых, быстрых глаз. Благородное лицо и пышные усы

придавали ему солидный и внушительный вид.

– Вот именно, Павел Карлович, сухопутный крейсер. Самодвижущийся железный сундук с пулеметами и пушкой, на траках. Жуткое сооружение именуется «танком». Надо сказать, что разработки ведутся и у нас, и у союзников, но первой к решению этого вопроса подошла Германия. Это супероружие способно решить если не ход войны, то исход наступления на этом участке фронта: никакого, так сказать, противоядия против танков нет.

– Так уж и нет? – недоверчиво протянул Самсонов. – Вот аэропланы: тоже, казалось бы, никаких средств против них не существует. Бомбят позиции направо и налево, спасу нет, солдаты разбегаются во все стороны. Однако же на каждый замок находится ключ... Да вот хотя бы взять происшествие недельной давности. Простой казак из обычной трехлинейки с двух, заметьте, выстрелов, сбил вражеский аэроплан.

Генерал от кавалерии Самсонов был крупным, крепким человеком с орлиным носом, черной подстриженной бородой. При взгляде на него становилось ясно, что он не из компании карьеристов-лизоблюдов. Это – типичный русский генерал, в свое время прозванный в войсках за богатырскую статью «Самсоном Самсонычем».

– Ну, вы, батенька, не равняйте почти невесомую конструкцию на крыльях и бронированный ящик, – махнул рукой Жилинский. – Это совершенно разные вещи. Естественно, впоследствии будут найдены действенные способы борь-

бы с этими чудовищами, но сегодня – сами понимаете.

– Да уж. Сейчас надо подумать, как нам нейтрализовать его?

Генералы погрузились в размышления. Что такое «танк», генералы представляли себе весьма смутно.

– Нет, все-таки какие подлые времена настали! – очнулся Жилинский. – Ну разве это все можно назвать войной? По-моему, вряд ли. Ведь вы возьмите прежние времена! Я не говорю уж об исходе самого сражения, о проигрыше или выигрыше конкретной операции. Жизнь солдата чаще всего зависела от его выучки, военного умения, смекалки, наконец. Вот раньше – лихие кавалерийские атаки, романтика и упоение боем, «эскадрон, шашки наголо!..». А теперь прет на тебя такое бронированное чудовище, и ничего поделывать нельзя, и шашка его не берет...

– Развитие техники – естественный процесс, так сказать, – пожал плечами Орановский. – Не век же было пещерным людям камнями да палками бросаться.

– Да я все понимаю, Владимир Александрович, но ведь никакого удовольствия в такой войне нет и быть не может. Теперь перспектива вырисовывается вообще мрачная: все решать будут машины, так, что ли?

– Я думаю, что именно ими многое будет решаться уже в следующей войне, – задумчиво сказал Ренненкампф.

Появившийся адъютант Жилинского сообщил о том, что к командующему прибыл поручик Голицын с рекоменда-

тельным письмом.

В дверях показался Голицын. В отличие от многих шаркунов, уже успевших получить награды ни за что ни про что, он уже побывал в самом пекле, о чем свидетельствовали и «Анна» 3-й степени «С мечами» на груди, и забинтованная голова – офицер прибыл прямо из госпиталя. Похоже было, что его обещания, данные Ольге, не остались пустыми словами и были подкреплены реальными делами. Поручик отдал командующему письмо и свежие петербургские газеты.

Жилинский прочел рекомендательное письмо, написанное родственником поручика, влиятельным придворным, князем Свирским. Князь писал о том, что «уступая настоятельным просьбам поручика, прошу отправить его после госпиталя на самый опасный участок фронта»...

– Пойдите... – вдруг вспомнил Самсонов, с интересом присматривавшийся к офицеру, – уж не тот ли вы поручик Голицын, который в тысяча девятьсот тринадцатом году, во время маневров в Галиции, проник к пограничной полосе между Россией и Австро-Венгерской империей и, несмотря на протесты австрийского часового, зачеркнул на пограничном столбе слово «Австрия» и написал «Россия»?

– Так точно, я! – молодецкато ответил поручик. – Это было, ваше превосходительство, пари. За этот поступок я честно отсидел на гауптвахте.

– А не тот ли вы поручик Голицын, который в прошлогодние автомобильные гонки в Петербурге выиграл первый

приз? – продолжил «опрос» Орановский.

– Так точно, ваше превосходительство, я.

– Это какую же скорость вам удалось достигнуть в мае тринадцатого?

– Двести один километр в час, – скромно ответил поручик. – Четырехцилиндровый двигатель, мощностью двести литров.

– Невероятно, господа! Двести один! – покачал головой командующий. – Разве мы могли еще недавно представить себе такое, а?

– Да уж. Одно слово – технический прогресс. Повсюду он – и в мирной жизни, и на войне, – согласился Орановский.

Жилинский, просматривая свежие газеты, заметно помрачнел.

– Две недели назад барон Корф геройски погиб... С небольшим отрядом отправился на захват вражеской батареи, никто не вернулся. Попали под обстрел. Его обезображенное тело потом отыскивали, – задумчиво сказал командующий, читая списки погибших, пленных и пропавших без вести офицеров, которые печатали тогдашние газеты. – Вы, кажется, его хорошо знали, поручик?

– С не очень хорошей стороны... – замялся Голицын. – Впрочем, ваше превосходительство, о покойных – или хорошо, или никак. Сложил голову за Россию. Светлая ему память.

– Похоронен здесь, неподалеку... – говорил Жилинский. –

В родовом имении, как и завещал. Оно и понятно: на родной земле, как говорится, и лежать легче.

– Позвольте взглянуть и нам, Яков Григорьевич, – обратился Орановский к командующему.

– Да-да, конечно, берите, господа, – подвинул Жилинский в центр стола стопку газет.

– Вот, кстати, интересный случай, – сказал Самсонов, найдя что-то в газете.

– И что же там, Александр Васильевич?

– Да вот небольшой очерк о некоем юном прапорщике, первым ворвавшимся во вражескую траншею, – Самсонов сделал паузу и процитировал: «...показывая пример доблести нижним чинам, прапорщик Сеченов увлек солдат за собой в атаку и первым ворвался во вражескую траншею. Несмотря на то что вражеские позиции на этом участке фронта были весьма укреплены, рота молодецким ударом смяла и опрокинула противника, бежавшего врассыпную. В ходе этого удара убито и пленено много солдат противника, захвачены вражеские трофеи».

– Вот вам, господа, пример того, как молодежь ничем не уступает своим предкам в храбрости и находчивости. Та самая молодежь, на которую сегодня так много валят всего, – сказал Самсонов, складывая газету.

– Во все времена люди одинаковы... – буркнул Ренненкампф. – Я вообще никогда не видел особого смысла разделять молодежь и старшее поколение. Все мы были молоды-

ми...

– Я, конечно, прошу прощения, господа, что возвращаю вас от примеров высокого подвига к вещам более прозаическим и приземленным, – произнес командующий. – Однако хотелось бы поговорить о танках. Ведь если мы не помешаем противнику, то и геройством делу не поможешь.

– Да-да, действительно, вернемся к нашей теме.

Поручик, коему позволено было присутствовать при обсуждении «танкового вопроса», очень заинтересовался горячей темой. О танке, кстати, он уже был наслышан.

– Позвольте мне заняться этой проблемой! – стал умолять Голицын командующего.

Жилинский колебался.

– Вы же сами читали, ваше превосходительство, – показал поручик в качестве аргумента на газетный очерк. – Если уж безусый прапорщик совершил такой подвиг... А если сделать рейд по вражеским тылам? Может, удастся захватить этот самый танк?

– Быть посему! – кивнул главнокомандующий Северо-Западным фронтом. – Набирайте добровольцев. Желаю вам удачи в этом деле!

Глава 4

Небольшой прусский городок, стоящий на развилке нескольких железных дорог, в эти дни был до отказа заполнен военными. Текущие события вели к тому, чтобы такие вот городки становились пропускными пунктами, через которые перекачивалась солдатская масса, в скором времени должна стать пушечным мясом для беспощадного фронта, словно сказочного чудовища, требующего для себя новых и новых жертв.

На плацу посреди огромной территории, занимаемой казармами, учебными центрами, полигоном и прочими соответствующими учреждениями, сейчас было оживленно. Все отвечало лучшим традициям прусской муштры последних полутора столетий. Каждый солдат напоминал механическую игрушку. На лицах, превращенных шагистикой и муштрой в подобие масок, не отражалось ничего, кроме готовности отдать жизнь за кайзера и Великую Германию. Геометрическими фигурами стояли ряды вымуштрованных солдат в шлемах с острыми наконечниками. Чуть в стороне находилось странное угловатое сооружение, укрытое парусиной.

Неподалеку вели разговор новый командующий 8-й армией Пауль фон Гинденбург и молодой полковник Генштаба Карл Диркер. После тяжелейшего положения немцев в Во-

сточной Пруссии, когда прежним руководством был уже отдан приказ об отступлении на запад, за Вислу, спешно назначенный сюда отставной генерал начал решительно действовать. По его требованию приказ был отменен, и теперь немцы планировали взять реванш.

– Я не отношу себя к поклонникам теорий о том, что солдат должен мыслить чуть ли не на уровне аналитика, – разглагольствовал, продолжая затронутую ранее тему, генерал – плотный, с мощными усами на суровом бульдожьем лице – настоящий прусский вояка. Седоватые короткие волосы, тяжелый взгляд, плотно сжатые губы придавали ему еще больше суровости. – Эти умники, которых в последнее время развелось, как крыс, ни черта не смыслят в войне. Да им оказаться на передовой – они и в штаны наложат! А ведь туда же – будут поучать, как надо воевать. Их послушать – так солдату не нужен ни командир, ни приказы!

– А вы что думаете? – с лукавой улыбкой поинтересовался полковник Диркер.

– Чушь! Полная чушь и ничего более! – низким голосом прорычал Гинденбург. – Солдат должен слушать приказы и четко выполнять их. Больше от него ничего и не требуется.

– А как же самостоятельность?

– Не нужна им никакая самостоятельность, – фыркнул генерал. – Выдумки высокозадых умников! Все очень просто: армия – это механизм. Можно по-разному к этому относиться. Нравится – не нравится тебе, но это так. И каждый в этом

механизме занимает определенное место. Иначе не бывает! Поэтому выполняй то, что тебе приказано, а за тебя уже все продумают.

Рядом строился в боевой порядок батальон немецкой инфантерии. Хищно торчали острия шлемов «фельдграу», обтянутых серой парусиной, блестела новенькая амуниция, сверкали бляхи на поясах.

Командующий, идя вдоль строя, пристально вглядывался в лица.

– Я ведь, как считают многие, неплохой физиономист, – говорил он полковнику. – Вот, посмотрите на солдат: у большинства из них на физиономии написано многое. Хотя бы то, кем каждый из них был до войны.

– И что же можно увидеть, господин генерал?

– Вот этот, без сомнения, баварец, тоскующий по кружке крепкого «мюншенера». Баварца я всегда узнаю, будьте уверены. Слева – тот, долговязый, видите? Бьюсь об заклад, что он рабочий. Смотрим дальше: коротышка в очках наверняка был школьным учителем, – рассуждал фон Гинденбург. – И ведь вот в чем смысл: все они были разными, можно сказать, сбродом, а людьми стали только в армии.

– Ну уж... – протянул полковник.

– Именно так! – безапелляционно заявил командующий. – Дисциплина сплотила всех в чеканном строю.

Диркер придерживался несколько иной точки зрения, но спорить с командующим не стал. Разговор перешел к теме

будущего наступления на русских. По мнению фон Гинденбурга, в первые дни войны существовал один-единственный выход: бить с самого начала следовало первым. Пока противник еще не мобилизовался, пока не создал сплошной фронт, нужно было его опередить. Вступив на вражескую территорию, искусным, заранее спланированным маневрированием окружить выдвигающиеся навстречу армии, окружить их и устроить Канны XX века. Он ругал предыдущее командование, обвиняя его в полном бездействии.

– После того как фон Притвиц показал свою полную неспособность руководить армией, после того как он собрался бежать из Пруссии – они вспомнили обо мне, – хмыкнул фон Гинденбург. – Этот осел доложил, что 8-я армия еще способна, наверное, унести ноги за Вислу, но он, ее командующий, уже не ручается, что 8-я армия на Висле удержится. Это не генерал, а просто истеричка! Так развалить фронт! – возмущался командующий.

– Первая и вторая армии русских движутся на запад, намереваясь соединиться за Мазурскими озерами, – говорил полковник.

– Я не вижу иного выхода, кроме одного: сначала обрушиться на армию Самсонова, выдвинутую вперед, чтобы использовать его отдаленность от армии Ренненкампа, – заключил командующий.

Полковник Диркер завел речь о новой технике, призванной сыграть в предстоящем наступлении немалую роль.

Фон Гинденбург, в отличие от собеседника, к техническому прогрессу относился скептически.

– Если вспоминать, то в 1871 году французов под Седаном мы и так разбили, без всякой новомодной техники, пленив в том числе и Наполеона III, – брюзжал Гинденбург, – и говорить здесь не о чем. Мы потеряли менее десяти тысяч, а французы – семнадцать.

– Да, конечно, это была грандиозная победа, – подтвердил полковник.

– Двадцать одна тысяча пленными, да потом еще шестьдесят три тысячи! – возбужденно произнес старый вояка. – И все: дорога на Париж была открыта.

– Конечно, господин генерал, – кивнул Диркер. – Однако предлагаю поставить эксперимент, чтобы вы своими глазами взглянули на новое экспериментальное оружие.

– Ну что ж, если хотите, полковник... – развел руками командующий. – А на ком же, собственно говоря, мы его испытаем?

– На наших солдатах, – последовал ответ.

* * *

Сложная система полевых укреплений защищала немецкие позиции. Развитую систему траншей усиливали ряды мешков с песком, деревянная обрешетка и местами железные или бетонные перекрытия. В зависимости от предназна-

чения в некоторых местах траншеи были неглубоки, а в иных можно было стоять во весь рост. Траншеи разделялись на секции, образуя зигзаги. Расположенные кое-где блиндажи играли роль командных пунктов, убежищ при артобстреле и передовых лазаретов. Большинство траншей было оборудовано ступенями для стрелков, огневыми позициями для снайперов, стационарными перископами. У некоторых траншей имелись стальные брустверы с бойницами. Перед траншеями располагались проволочные заграждения, достигавшие в ширину до тридцати метров. С тылом передовые траншеи соединялись ходами сообщения, по которым на позицию прибывало подкрепление.

Такие укрепления были на передовой. Здесь, на полигоне, все было гораздо проще – ряды колючей проволоки, за ними – несколько рядов траншей. На «позиции» медленно полз немецкий танк. Мощная и грузная металлическая коробка угловатой формы хищно скалилась стволами пулеметов и орудия. Ревя двигателем, танк, украшенный крестами, приближался.

Немецким солдатам во время эксперимента было разрешено палить по танку из всего имеющегося в наличии стрелкового оружия. Что, собственно, и происходило. Залпы, одиночные выстрелы сменялись пулеметными очередями и выстрелами из легких орудий. Танку, однако, все было нипочем! Хищно урча, страшная машина легко, как нитки, рвала ряды колючей проволоки, валила столбы и приближалась к

траншеям.

Видя, что ничем нельзя остановить танк, солдаты обеспокоенно заметались по окопам. Их предупредили, что сегодня произойдет испытание нового оружия, но что это будет за оружие – никто и вообразить себе не мог. Понимая, что танк вот-вот вдавит их в землю, солдаты, бросая оружие, панически бежали прочь: страшное железное чудовище, которое невозможно ничем поразить, деморализовало их полностью. Наверное, подобные чувства внушил бы белым лабораторным мышам огромный камышовый кот...

Впрочем, ничего удивительного в такой реакции не было – если вспомнить первую публичную демонстрацию первого в мире фильма братьев Люмьер «Прибытие поезда», то она вызвала у зрителей не меньшую панику, истерику и шок. Сцена, где поезд прямо с экрана несся в зрительный зал, заставила большинство присутствующих разбежаться.

Полковник торжествовал.

– Уж если наши солдаты дрогнули, то русские наверняка побегут, как зайцы! Вы же сами видели, господин генерал, – ведь танк даже не стрелял. А если бы изрыгал огонь!

Гинденбург был поражен.

– Да, да... – ошеломленный старый вояка покачал головой. – А какие основные характеристики?

– Танк, как вы уже видели, господин генерал, представляет собой бронированную коробку ромбовидной формы с обведенной по ее корпусу стальной гусеницей, – начал по-

яснять Диркер, достав схемы. – Корпус покрыт броней. Она защищает от винтовочных пуль, шрапнели, легких осколков снарядов.

– Вооружение?

– Вооружение располагается в спонсонах – бортовых полубашнях. Для уменьшения веса тридцатимиллиметровую броню оставили только в носовой части, в других частях толщина брони варьируется от пятнадцати до двадцати миллиметров, – генерал и полковник склонились над чертежами.

– Великолепно! – подробно ознакомившись с устройством и лично осмотрев технику, произнес фон Гинденбург. – Надо использовать в наступлении. Это что, экспериментальный танк? Только один? Ничего, и одного будет достаточно, чтобы нагнать страху на русскую армию! Только надо подумать о направлении главного удара. Хотя... А если утечка информации? Ведь и в газетах о нем писали!

– У нас есть способ направить русских по ложному следу! – ухмыльнулся Диркер.

– Действуйте, полковник, – положил руку ему на плечо генерал. – Признаю: вы меня убедили. Если что – обращайтесь ко мне в любое время. Все, что от меня зависит, я сделаю. Такое оружие, против которого противник бессилён, нам жизненно необходимо.

Глава 5

– Гляжу я на это и диву даюсь, – насмешливо покачал головой офицер с побитым оспой лицом. – Для кого-то война – исполнение своего долга, для кого-то возможность нажиться...

– Это вы о чем, ротмистр? – поинтересовался сидевший рядом высокий подполковник.

– Ну, как же? Мы с вами не дети... Испокон веков было так, что кто-то за Родину кровь проливает, костями ложится, а кто-то на военных поставках ручки свои греет. Так было, есть и, к сожалению, будет всегда. Но ведь я не о том. Такие широкие темы я сейчас затрагивать не хочу, – он с усмешкой провел рукой по скатерти, будто стряхивая с нее что-то. – Вы посмотрите вокруг.

– А что такое? – подполковник поднял голову и взглянул по сторонам. Все было как обычно, и ничего такого, чтобы особенно отличалось от привычного ему порядка вещей в офицерском собрании, глаза не находили. Кто-то из господ офицеров играл в бильярд, кто-то сидел в клубном кресле, развернув газету, большая часть разговаривала – каждый о своем.

– С началом войны среди некоторых офицеров появилась глупая мода – украшать себя разными побрякушками, чтобы произвести впечатление на слабонервных женщин, – про-

должал ротмистр. – Идет бывало такой хлыщ, весь опутанный ремнями портупей, при шпорах, а сам – как новогодняя елка! На нем и револьвер, и бинокль, и фотоаппарат, и даже свисток для поднимания солдат в атаку! И вот глядишь и не понимаешь – офицер это или кукла какая-то?

– Да, это бывает... – задумчиво проговорил подполковник, перелистывая газету.

– А появится такой тип на передовой – ну, тут уж форсу на целый полк хватит! Да что далеко ходить, – воодушевляясь собственными речами, заговорил ротмистр. – Буквально неделю тому назад явился и к нам этакий пижон – военный журналист. Весь в ремнях, портупях, и револьвер при нем, и кольт. Все на нем чистенькое, с иголки – картинка, а не человек. И сообщает, мол, прибыл к вам, чтобы написать репортаж о наших героических солдатах – защитниках веры, царя и Отечества. Ну, хорошо, говорю, я вам предоставлю такую возможность.

– И что же дальше? – спросил подполковник.

– Отправились мы на передовую. Начал он чем дальше, тем больше разочаровываться. «Ну, разве это порядок? Ни тебе аккуратности, ни симметрии, ни сверхпатриотизма. Солдаты все какие-то серые, без настроения...»

– А какое же он настроение желал у них отыскать?

– Известно какое – чтобы они день и ночь такими героями выглядели, по струнке все, да чтобы под линейку. Я говорю: милейший, это фронт, а не парад императорский – нет,

он нос воротит. Не видно, дескать, никакого куражу и храбрости. Надулся, как индюк. Ну, а вот когда я его на передовую отвел да он вылез на передний край, германцы аккурат огонь и открыли. Спесь слетела с «военного журналиста» буквально за полминуты. Белый как полотно стал. Кричит, озирается, в истерику впал! Не желаю, говорит, погибнуть, спасите-помогите, все что угодно для вас сделаю, дорогие мои солдатики!

Офицеры расхохотались. Разговор их происходил в офицерском собрании, о котором стоило бы сказать несколько слов.

Жизнь полка всегда была заполнена ежедневными учениями, где оттачивалось воинское мастерство. А вечером в помещении офицерского собрания царили радость и веселье. Поступая после окончания училища в полк, молодые корницы автоматически становились членами полкового офицерского собрания. Эти два слова очень многое значили для юноши, еще не знавшего свет и начинающего по-настоящему входить в жизнь со всеми ее радостями и горестями. Входя впервые в него, он входил в новую семью. Воспитание началось сначала, и то, что еще не привилось в училище, молодой офицер впитывал в себя в стенах своего собрания. Здесь молодой офицер воспитывался в верности Родине и обожаении своего родного полка.

Полковые офицерские собрания в гвардии были заведены в царствование Александра II. До этого времени офицеры

могли собираться лишь на частных квартирах. Собрание играло важнейшую роль в повседневной жизни офицера, сплачивая данную часть, обеспечивая проведение досуга. Семьи офицеров полка, особенно стоящего в небольшом городке, были знакомы друг с другом, и собрание являлось естественным и удобным местом их встреч, избавляя от необходимости устраивать слишком частые домашние приемы и званые обеды, которые и так были в обычае. Общение в собрании облегчало и проблему знакомств – многие офицеры женились на дочерях и сестрах своих сослуживцев. Полковой командир, как единственное лицо, целиком отвечающее за свою часть, являлся естественным руководителем собрания. В его деятельности обязаны были участвовать все офицеры части, внося на его содержание небольшие взносы. Здесь периодически, обычно еженедельно, устраивались балы с привлечением полкового оркестра, вечера и другие мероприятия. По праздникам или иным поводам давались балы и званые обеды командиром полка. Возможности культурных развлечений были в провинции часто ограничены, но это в некоторой степени компенсировалось распространенностью в самих офицерских семьях различного рода музыкальных вечеров, любительских спектаклей...

Война изменила многое, но офицерские собрания даже и на войне оставались главным местом встреч, своеобразным военным клубом.

Именно здесь Голицын высказал предложение, суть кото-

рого сводилась к следующему: кто желает участвовать в рейде по вражеским тылам? Целью являлся захват или хотя бы уничтожение тевтонского чудо-оружия.

Как и ожидал Голицын, после его предложения желающих оказалось более чем достаточно, так что пришлось выбирать. Отряд должен был быть невелик, всего 10–12 сабель. В его состав вошли добровольцы из разных кавалерийских частей – гусары, уланы, казаки. В данном случае действовать приходилось как раз не числом, а умением. Маленькому, маневренному отряду компактность придавала нужную мобильность. Естественно, все офицеры подобрались из числа лихих рубак. Среди набранных офицеров выделялся корнет Булак-Балахович, которого Голицын назначил своим заместителем.

Этот офицер уже успел прославиться на фронте как человек редкой отваги и мужества. На его счету было несколько рейдов по тылам противника, что сыграло немаловажную роль в выборе Голицыным заместителя. Корнет сразу же вызвал у него доверие. обстоятельно поговорив, поручик узнал о нем всю подноготную. Происходил Станислав с Браславщины – озерного края Северо-Западной Беларуси, из обедневшего шляхетского рода, работал агрономом. С началом войны он вместе со своим братом Язепом добровольцем ушел на фронт, взяв свое собственное оружие, лошадей и амуницию. Сначала он служил во 2-м лейб-уланском Курляндском императора Александра II полку.

– Но как найти этот загадочный «танк»? – размышляя вслух, спросил корнет Белый. – Фронт большой, танк наверняка отлично охраняется, да и режим секретности...

– Все очень просто, – лаконично изрек Булак-Балахович. – Следует захватить немецкого «языка», желательно офицера, и вытрясти из него всю информацию...

– Кроме того, командующий решил отправить на поиски и захват танка не один, а целых два конных отряда, – произнес поручик. – Так что у нас есть и коллеги в этом деле.

– Зачем? Что за странная игра? – с недоумением взглянул на него корнет.

– Два лучше, чем один. Так, видимо, считает генерал. По его мнению, таким образом больше шансов отыскать чудо-оружие, к тому же конкуренция лишь добавит рвения... Правда, – добавил поручик, – второй отряд – это обычные рядовые, кавалеристы под командованием какого-то молодого офицера. Кто именно возглавляет второй конный отряд, где и когда он будет выступать – неизвестно.

– Неужели вам не сообщили? – спросил хорунжий Кочнев.

– Видимо, не посчитали целесообразным, – развел руками поручик. – На это у них есть свои, наверное, весомые причины. То ли штабисты боятся утечки информации в случае пленения кого-нибудь из конников, то ли какой-то особый режим секретности...

Каждый из офицеров предлагал идеи в «общий котел», которые рассматривались всеми самым тщательным обра-

зом. Наконец после полуторачасового обсуждения стратегия поисков была определена.

– Когда выступаем? – послышались голоса.

– Медлить, господа, не будем, – авторитетно произнес Голицын. – Завтра и отправляемся. Времени для того, чтобы уладить все свои дела и подготовиться, у нас достаточно, так что я вас не задерживаю.

* * *

Поручик, усевшись наконец на койку, с наслаждением вытянул ноги. Да, денек выдался насыщенный событиями, что тут и говорить. Однако последующие дни обещают стать еще более наполненными приключениями. К ним Сергей Голицын был готов. Походные сумки уже подготовлены, все соответствующие формальности улажены. Через несколько часов должен был начаться рейд по вражеским тылам.

Буквально полчаса назад поручик получил письмо от Ольги. И вот теперь последнее дело, остававшееся на своей земле, и было – прочтение этой весточки. Поручик взглянул в окно. Какой-то странный шум привлек его внимание. В стекло, привлеченная ярким светом лампы, с силой билась большая ночная бабочка – бражник. Не видя преграды, отделявшей ее от желанного света, мотылек с гудением раз за разом пробовал проникнуть внутрь, и, естественно, безуспешно.

Усмехнувшись, Голицын достал из нагрудного кармана

френча письмо. Несколько мгновений он вглядывался в конверт. На нем изящным, так хорошо знакомым ему почерком значилась фамилия адресата. Надорвав конверт, поручик извлек листок бумаги, неуловимо пахнувший тончайшими духами. Этот запах напомнил ему о тех временах, таких близких и теперь таких далеких. Напомнил о любимой, которая сейчас была далеко...

Весь обратившись во внимание, офицер жадно пробежал глазами строчку за строчкой. В письме Сеченова сообщала, что у нее все нормально. Она писала о том, что выполнила свой план: теперь она – санитарка в госпитале для нижних чинов и вносит посильный вклад в победу над супостатом.

Поручик ненадолго оторвался от чтения и представил Ольгу санитаркой, ухаживающей за больными и ранеными... Как это все было странно! Как быстро время расставляло каждого по своим, ведомым только ему местам!

«...Не волнуйся, береги себя и никогда не снимай ладанку, – писала Ольга. – Я знаю, я чувствую, что она охранит тебя от всех бед».

Прочитав весточку, Голицын был счастлив, однако ощущал какие-то странные сомнения. Несмотря на пространное и подробное письмо, ему показалось, что Ольга что-то недоговаривает. Но что именно, сказать было нельзя.

Вздыхнув, поручик потер виски и взглянул на часы. Времени, чтобы отдохнуть, оставалось немного. А ведь очень скоро он должен быть в хорошей форме и с ясной головой.

Достав ладанку, поручик поцеловал ее, не переставая думать об Ольге. Прикоснувшись головой к подушке, Голицын почти сразу уснул.

Глава 6

Через несколько часов после вышеописанных событий сквозь ночной лес двигался конный отряд. Путь всадников лежал по направлению к линии фронта, находившейся уже рядом. Дорога, идущая через густой лес, была в это время почти невидимой. Кроны высоких деревьев, смыкаясь сверху, создавали коридор, ведущий в беспросветную темноту. Кони шли на удивление тихо – на расстоянии нескольких десятков метров топота почти не было слышно. Размытые силуэты казались привидениями, возникшими из лесной чащи. Однако никакой мистики не было – копыта коней были просто подвязаны тряпьем, а потому не издавали топота. Подобная практика применялась еще с незапамятных времен, когда нужно было бесшумно продвигаться, остерегаясь противника. Не раз подобный прием, несмотря на свою простоту, достигал желанного эффекта, позволяя нападавшим либо подобраться максимально близко к противнику и обрушиться на него, словно снег на голову, либо помогал незаметно миновать вражескую стражу, пробираясь дальше. Именно это сейчас и происходило.

Хоть всадники и были одеты в форму немецких кирасиров, принадлежали они к совсем другой армии. Если бы рядом с ними вдруг оказался сторонний наблюдатель и прислушался к редким фразам, звучавшим из уст конников, то

он был бы немало удивлен – немецкая речь здесь и не звучала. Слова произносились шепотом и по-русски. И на самом деле, все военнослужащие,двигающиеся в тумане через ночной лес, были уроженцами страны, занимающей одну шестую часть мирового пространства.

Ближайшей задачей отряда было незаметно миновать немецкие дозоры. Суровые лица, практически невидные в ночи, проплывали одно за другим в сторону небольшого озера, видневшегося впереди, чуть слева от дороги. Над водной гладью этого почти круглого водоема подымался туман. Командовал «кирасирами» юный безусый офицер.

Прапорщик, хоть и был крайне молод, держался уверенно и признаков беспокойства, несмотря на ночную и непростую дорогу, похоже, не испытывал. Кирасирская форма вражеской армии сидела на нем прекрасно. Вообще, было видно, что любую одежду молодой человек привык носить с каким-то особым изяществом.

– Ваше благородие, а как мы с нашими связь держать будем? – обратился к нему унтер-офицер, тоже, как и все, в немецкой форме.

– Через беспроволочный телеграф, – пробасил молоденький «немец».

– Через это, что ли? – кивнул унтер на ящики, которыми была нагружена выучная лошадь, идущая позади.

– Вот именно, Шестаков, – кивнул собеседник. – Другого, братец ты мой, у нас не припасено.

– Вот ведь как мысль-то вперед шибко идет! – качнул головой унтер. – Разве лет тридцать назад можно было про такое и подумать? Да ни в жисть!

Офицер в ответ лишь пожал плечами.

– Как раньше-то: письмо надо было писать, вестовых каких слать. Пока туда, пока сюда – сколько времени уходило. А сейчас – разложил этакий вот аппарат, сделал, чего там следует, а письмо твое, глядишь, уже и получили, – продолжал вполголоса рассуждать Шестаков.

Беспроволочный телеграф, о котором шла речь между прапорщиком и унтером, – это радио, весьма помогавшее уже в русско-японскую войну. Во время Первой мировой войны радио использовалось уже шире и часто играло огромную роль в военных действиях.

– Ваше благородие, дозволейте сигарку запалить, – тихо спросил один из «кирасиров». – Курить хочется, мочи нет.

– Я тебе закурю, скула чертова! – свистящим шепотом выругался Шестаков. – Ты что, не понимаешь, что каждый огонек выдать нас теперь может?

Сконфуженный любитель покурить умолк и больше ничем не выдавал своего присутствия.

– Вот ведь, ваше благородие, – говорил, снова подъехав к офицеру, унтер. – Как только хоть один новенький появится, так семь потов с тебя сойдет, пока научишь вот эдакого «героя» уму-разуму. Казалось бы, все объяснишь, разжуешь, ан нет – ему еще и в рот положи.

– На то власть и дана, – лаконично заключил офицер.

– Так-то оно так... – согласился собеседник.

– А ты вспомни себя, унтер, – усмехнулся прапорщик. –

Разве ж ты с самого начала таким бывалым воином был? Тоже ведь, наверное, на своих ошибках учился?

– Бывало, ваше благородие. Чего только со мной не случилось. Да вот, кстати...

– Тише! – шикнул офицер.

Все остановились и прислушались к странному шуму, раздававшемуся где-то впереди справа. После минуты напряженного ожидания на дороге показался неясный силуэт. Прапорщик зажег фонарик. Все облегченно вздохнули, увидев дикого кабана, глядевшего на встретившихся ему людей. В свете фонаря сверкнули его маленькие глазки. Через мгновение, недовольно фыркнув, животное резво углубилось в лес.

– Тоже ведь не спит! – насмешливо произнес один из солдат.

– Зато ему через германские кордоны пробираться не надо. Юркнул себе в гущу леса, и поминай как звали.

– Эх, побольше бы времени, так мы бы этого кабанчика в костре и зажарили. Вот было бы знатно, а ребята?

– Ишь, размечтался. Скоро тебя германцы шпиком да шнапсом угостят, только рот подставляй, – не сдержался, чтобы не позубоскалить, один из «диверсантов» по фамилии Батюк.

На лица всадников падал мертвенно-бледный свет луны,

заливавший окрестности. Тени от деревьев ложились на ночную дорогу, делая ее зловещей и таинственной.

Наконец отряд приблизился к линии немецких дозоров. Наступил наиболее ответственный момент начала операции. Вперед выслали унтера Шестакова с одним из солдат, Лепехиным. Они должны были разведать, что же происходит впереди.

Ожидание тянулось долго. В такой ситуации можно было полностью согласиться с известной поговоркой, говорящей о том, что «хуже нет, чем ждать и догонять». Тишина нарушалась лишь легким шумом деревьев. Ветерок шелестел высоко в кронах, создавая тихий, убаюкивающий шорох. Хотелось спать. Вдруг над головой послышался шум крыльев, и следом за этим, тяжело ухнув, вперед пролетел какой-то крылатый силуэт.

– Сова, ваше благородие, – кивнул вслед улетевшей птице рядовой Ярцев. – Мышей полетела ловить.

Отряд расположился тесным кругом и примолк, лишь изредка переговариваясь. Прапорщик всматривался сквозь туман на дорогу, ожидая возвращения разведчиков. Негромко фыркали кони. Склонив голову и скрестив руки на груди, офицер дремал. Однако, как только ухо уловило знакомую приглушенную поступь «утихомиранных» коней, он встрепенулся. Возвращались разведчики.

– Ну, что слышно? – обратился он к унтеру.

– Все в порядке, ваше благородие. Все чисто. – Шестаков,

подъехав совсем близко, перегнулся с седла к офицеру. – Дорожка там раздваивается. Так вот на главной, значит, и поставлены германские дозоры. А мы с вами возьмем правее. Мы проехали, все видать – уйдем незаметно. Тем более что лес там гуще.

– По коням! – приглушенно скомандовал прапорщик.

Отряд, следующий в ночной темноте, почти бесшумно продвигающийся сквозь мрак, словно олицетворял всю Российскую империю, которая пока еще была воодушевлена начавшейся войной. Империя надеялась победоносно завершить ее, но даже и не подозревала, чем же окончится война, уже названная Отечественной, что же ждет в скором будущем самую большую державу на Земле. Пока еще гремела слава России, и еще никто не сомневался в ее могуществе, но уже явственно вставали кровавые тени скорого, такого скорого будущего. Того самого, когда рухнет все то, что строилось и создавалось столетиями, станет ненужным все то, что называется «честь, свобода и порядок». И блестящее офицерство, гордость России, будет уничтожено, и эпоха уйдет безвозвратно. Эпоха балов, красавиц, юнкеров – все это доживало последние годы...

Однако никто этого, конечно же, не знал, да и знать не мог. В том числе не ведали и эти всадники. Они были всего лишь солдатами, выполнявшими свой долг, и не могли даже подозревать, что уже в совсем скором будущем исчезнет все то, что казалось вечным и незыблемым, все то, ради чего

и существует армия. И что не все, конечно же, вернутся из этого похода...

Отряд, растворяясь в темноте, углублялся все дальше в лес.

Глава 7

В ходе успешного наступления часть Восточной Пруссии заняли и контролировали русские войска. Планы немецкого командования ударить первыми и не дать «русскому медведю» подняться на задние лапы потерпели сокрушительное поражение. Русские неумолимо двигались на запад. Совершенно неожиданное развитие событий ввергло в панику не только мирное население, но само командование пруссаков. Командующий немецкой группировкой генерал фон Притвиц совсем потерял голову. Особенно контрастно это выглядело после его недавних хвalebных заявлений о том, что вверенные ему войска опрокинут противника и загонят назад в «логово». Теперь фон Притвиц слал в Генеральный штаб панические телеграммы о том, что удержаться в Восточной Пруссии не представляется возможным. Согласно его словам, следовало немедленно и пока еще есть возможность эвакуироваться за Вислу. Фон Притвиц был спешно заменен Гинденбургом, и тот взял все под контроль. Приказ об отступлении отменили, однако ситуация для немцев продолжала оставаться весьма сложной.

Германская пропаганда того времени представляла наступавшие русские войска даже не людьми, а каким-то подобием кровожадных зверей, хищников. Газеты кишели статьями об изуверах-казаках, поддевавших детей на пики, а по-

том жаривших их на кострах. Города и деревни, как сообщалось в германской прессе, будут непременно сожжены, женщины изнасилованы и так далее, и тому подобное. Поэтому жителям настойчиво рекомендовалось покинуть места проживания, спасаясь от неминуемой гибели. В то же время говорилось о том, что отступление – штука недолгая и связано всего лишь с перегруппировкой войск. Так что пруссаки, вернее, те из них, кто не поддался устрашающей информации и остался в родных селениях, с ужасом ожидали вступления вражеских войск с востока. Немалым было их удивление, когда пришедшие русские оказались обычными людьми. Время, конечно, было военное, и без каких-то эксцессов не обходилось, но ни о каких зверствах и «невиданном мародерстве» речи и не было. Новые власти вели себя достойно. Страхи и опасения, внушенные местным жителям немецкой пропагандой, начинали рассеиваться.

В зоне, контролируемой русскими, по проселку, ведущему к фольварку, пылила телега с сеном, запряженная в конную пару. На телеге сидели пожилой крестьянин и протестантский священник – пастор со сдобным лицом и благородными манерами. Телега возвращалась из «немецкой зоны». Ничего удивительного в таких перемещениях не было – затяжной позиционной войны на Северо-Западном фронте в тот период просто не существовало. Местные жители свободно перемещались из «немецкой» зоны в «русскую» и наоборот, и никто их тщательно не проверял.

Дорога пошла под гору, и навстречу телеге вдруг показались быстро приближавшиеся конники – казачий разъезд, патрулировавший территорию. Крестьянин, правивший лошадьми, как-то неловко дернулся, словно забеспокоившись, но на лице пастора не отразилось никакого страха. Наклонившись к вознице, священник ободряюще улыбнулся и, успокаивая селянина, похлопал его по плечу. Тем временем разъезд из трех казаков подъехал к телеге.

Лошади шумно отфыркивались и мотали головами, позванивая железом удила.

– Кто такие? – нагнувшийся с лошади казак прощупывал глазами встреченных незнакомцев.

– Мы есть... мирные люди. Это – селянин, а я... как это... пастор, – с небольшими паузами, но довольно правильно, с приветливой улыбкой ответил служитель культа.

– Документы, – коротко бросил командующий разъездом подъесаул. Он выглядел браво: высокий блондин с огромным чубом, живописно выбивавшимся из-под заливчатски заломленной фуражки. Отличный конь ходил под всадником ходуном: было видно, что еще не наигрался и полон сил.

– Откуда едете? – поинтересовался казак, осматривая седоков и их поклажу.

– Я как священник... исполнять свой работа, – с акцентом поведал пастор. – Мой прихожане есть и там, – с этими словами он показал рукой назад, – и тут. Война... выбирать не приходится. Кто – воевать, а кто мирный человек.

Тем временем подъесаул просматривал поданные ему аусвайсы.

– Не шпиены? – поинтересовался у него рябой казак.

– Да нет, документы в порядке. Возвращаю, – подъесаул, сверкнув белыми зубами и тряхнув чубом, вернул бумаги пастору.

На дальнейшие расспросы казаков пастор на ломаном русском пояснил, что ездил в соседнее имение на похороны.

– Кого ж там убили-то?

– Нет, не убить... сам умереть. Хозяин имения, герр Штокман, – пояснил пастор.

– Все понятно, – кивнул подъесаул. – А вот вы мне скажите, не видали чего подозрительного по пути? – продолжал свои расспросы казак.

– Я видеть необычное, – оживился священник. – Там, за фольварок, в поле какой-то страшный железный машина! – говорил он, молитвенно складывая руки. – Скрипит, шумит и плюется огнем! Наверняка это адское создание ниспослано всем нам за грехи!

– Эге, – казаки переглянулись. – Вот это уже интересно.

– О, нет, – продолжал высказывать свои глубокие впечатления от увиденного немец. – Я не видеть в этом ничего интересного.

– Ну, это ты, папаша, так думаешь, – хохотнул подъесаул. – У нас насчет этого другое мнение. Кому-то богоугодными делами заниматься, а кому, как, скажем, нам – супо-

статов изничтожать.

Крестьянин, сидя в телеге и, естественно, ни слова не понимая, оставил вожжи и, достав из кармана плоский портсигар, закурил. Ароматный дымок пленил остальных казаков и те жестами попросили немца угостить их. Закурив, донцы обменивались замечаниями по поводу никотина, проникавшего в легкие.

– А ведь хорош табачок, черт его дери, – проговорил первый, глубоко затягиваясь.

– Легкий, а приятно, – подтвердил его товарищ со свежим шрамом на щеке.

– Не то что наша махра – продирает до самых пяток. А это сразу видать – господская штука.

– А ты знаешь, мне все-таки по душе наше. Ведь куришь-куришь, а все равно мало.

– Каждому свое, – не соглашался рябой. – Как говорил еще мой дед – каждый гад на свой лад.

– Значит, гадом меня назвал? – притворно рассердился его товарищ.

– А как же, – поддержал шутку первый казак. – Кто третьего дня шинель мою керосином залил? Не ты?

– Так ведь я же случайно, – ухмыляясь, оправдывался донец. – Нешто я собирался керосин на тебя изводить? Склянка лопнула.

– Знаем мы вас...

Казачьи, совсем еще молодые парни, дурачились и весели-

лись, словно были не на войне. Да и что тут удивительного – жизнь у этих парней только-только начиналась, и казалось, что ей не будет конца. Никто из них не представлял, что эта война, которая, по их мнению, должна была закончиться за несколько месяцев, перерастет в нечто такое, что и вообразить себе невозможно. Но они об этом, конечно же, догадываться не могли.

– Значит, господин офицер, мы можем ехать? – с постной улыбкой поинтересовался пастор, пряча документы в портфель.

– А вот тут придется вам немного подзадержаться, – развел руками казак. – Надобно, значит, чтобы вы с нами в штаб проехали.

– Зачем? – с недоумением взглянул на него знаток Евангелия.

– Сведения, которые вы нам сообщили, большую важность могут иметь. И чтобы все было выяснено, надо вас начальству предоставить, – авторитетно пояснил казак.

– Не могу, – прижал руки к груди пастор. Весь его вид выражал полную готовность к сотрудничеству. – И рад бы с вами проехать, господин офицер, но никак не могу. Вы же сами... э-э-э... понимать, что и у военных, и у мирных люди есть дела, которые отложить никак нет возможно.

– О чем это вы? – нахмурил брови подьесаул. – Какие такие дела?

– Война собирать свой страшный жатва. Собирать, не

спрося человека, не поинтересовавшись, согласен ли он отдать свой жизнь, самое дорогое, главный подарок Господь Бог, – пастор истово перекрестился. Если бы не забавные обстоятельства, в которых он оказался, то можно было бы подумать, что он находится среди своих прихожан в скромной деревенской кирхе. Однако вооруженные всадники с совсем неарийскими лицами возвращали в реальность. Кроме того, чудовищный немецкий акцент придавал комичность всем высоким выражениям духовной особы. Следом за ним, кстати, перекрестились и два рядовых казака. Только, естественно, по-своему.

– Да ты, батя, по делу говори, – с непонимающим видом тряхнул головой подъесаул, порядком уже утомившийся слушать всю эту галиматью.

– Да-да, прошу простить меня, сын мой, что утомлять тебя своими пространными рассуждениями. Одна из семей, являющаяся моими прихожанами, оказавшись на линии фронта, отправлялась к своим... родственник в Роменау. Вы же сами видеть, какие сейчас беспокойные времена. Один снаряд их повозка была разбита вдребезги. Погибли все – отец и мать семейства. Но ведь самое страшное, что смерть не пощадить и дети – трех девочек. И вот через час состоятся похороны несчастных.

Пастор со вздохом взглянул в глаза подъесаулу.

– Да... война, брат, она... того, – подергал тот пшеничный ус.

– Поэтому никак, господин офицер, не могу составить вам компания. Да и вообще – я человек духовный и в военные дела не лезть. Нет, если вы заставить меня как это... силой оружия, то я, конечно же, подчинюсь...

– Да брось ты чушь городить! – раздраженно махнул рукой подьесаул. – Тоже выдумал – силой оружия! Нешто мы звери какие? Это у вас про нас тут всякие небылицы плетут. Мы, мол, и такие, и сякие...

– Нешто мы не понимаем? – поддержали его казаки. – Похороны – дело святое.

– Вы хоть можете назвать приблизительное место, где видели это... исчадие ада? – спросил подьесаул.

– Конечно, господа казаки, – с готовностью кивнул пастор. – Сейчас я вам подробно рассказать.

Крестьянин, сидевший рядом, пытался вслушиваться в разговор военных и священника, но невооруженным взглядом было видно, что он не понимает ровным счетом ничего. Поэтому селянину ничего другого не оставалось, как жмуриться на солнце и еще раз угощать вкусным табачком веселых донских казаков. Да, вблизи они казались совсем не кровожадными и не похожими на убийц маленьких детей.

Пояснения немецкого священника, весьма дельные и толковые, были внимательно выслушаны подьесаулом. Исчерпывающая информация позволила прекрасно определить местонахождение «исчадия ада». Казацкий разъезд поскакал в штаб.

Глава 8

Наступившее утро оказалось туманным и сырым. Всадники-диверсанты под командой Голицына уже пересекли линию фронта и теперь находились в глубоком немецком тылу.

Ночной переход оказался не таким уж легким. По ходу продвижения пришлось вступить в бой с немецким разъездом. Ночная стычка окончилась весьма удачно – два германца остались лежать на обочине дороги, остальные почли за лучшее отступить. Вскоре, через несколько километров, окружающая местность изменилась. Поля с редкими перелесками сменились на густые леса. Все это позволило запутать следы.

Эти места Восточной Пруссии были дикими и неосвоенными. После завоевания этого края немцами, как это ни удивительно, полностью характер края, во всяком случае, в этой местности, так и не был изменен. Сама природа позаботилась о том, чтобы наряду с типично немецкими ухоженными и возделанными полями, ровными, особенно для русского человека, дорогами и чистенькими, словно с картинки, городками здесь сохранились большие массивы лесов, болот и озер. Чего стоят, скажем, знаменитые Мазурские озера! Как это часто бывает, в прошлом подобные природные особенности помогали стране и ее жителям во время войн. Пройти противнику через заболоченную, с озерами местность часто

представлялось весьма сложным, и он был вынужден менять маршруты. А это, в свою очередь, позволяло мирным жителям избежать всех ужасов войны.

Так было и в районе движения группы Голицына. Местность как нельзя лучше подходила для задуманной операции. Дороги оказывались узкими, теряющимися в лесах и болотах. Плотность населения – невелика. Местные жили в основном в фольварках и местечках. Последние представляли собой нечто среднее между маленьким городком и очень большим селом.

– Идем направо! – указал Булак-Балахович, уже бывавший здесь за линией фронта в рейдах.

Небольшой отряд свернул с дороги в чащу. Пробираясь сквозь густой лес, конники выбрались на небольшую поляну, надежно защищенную от посторонних взоров и ушей.

– А комаров тут! – в сердцах сказал подпоручик Лихарев, звонко хлопая себя по шее.

– Ты смотри, чтобы из тебя кровь не пил кто-то другой, – хохотнул его сосед, хорунжий Зимин. – С комарами можно и ужиться.

– И как ты, уживаешься?

– Да как-то так удается. Из меня вот одна комариха уже второй год кровь пьет и все напиться не может. Мало того, еще и дочку родила.

Все расхохотались.

– Тише вы, черти, – осадил их поручик. – С вашим хохо-

том нас и в Кенигсберге услышат.

На поляне отряд расположился на отдых, а Голицын, Булак-Балахович и Зимин выехали на разведку.

Вороной жеребец поручика шел мерным шагом. Временами он косил выпуклым глазом и дергал повод, норовя укунить колено всадника, но седок едва заметным сильным движением придерживал повод, и жеребец подчинился.

Ехавший справа от поручика корнет рассказывал о своих впечатлениях о Пруссии, где он находился больше времени, чем остальные.

– Немцы обвиняют нас в том, что русские, по их словам, устраивают разнузданные грабежи, мародерство. Дескать, местное население, которое не вняло уговорам и не эвакуировалось, теперь горячими слезами обливается и не уверено не только в сохранности своего имущества, но и в сохранности самой жизни.

– Ну, и как ваши впечатления, корнет, о поведении наших войск? – поинтересовался поручик. Побывав на австрийском фронте в Галиции, ему хотелось выслушать человека, бывшего здесь с самого начала. – По поводу грабежей и насилия?

– Да о каком грабеже речь может идти? – рассмеялся корнет. – У нас солдаты с собой телеги везут, что ли? Что ты, шкаф с собой в походном мешке унесешь или кровать с завитушками? Просто смешно слушать. Нет, естественно, всегда встретится какой-то идиот или моральный урод... Да вот, вспомнил, – повернулся он к Голицыну. – Еще в самом на-

чале стояли мы в замке. Замок, скажу я вам, – в лучших традициях, ну просто сказка. Стоит этакий красавец на берегу озера. Местное предание рассказывает о том, что гору, на которой его возвели, насыпали еще в языческие времена над могилой дочери одного знатного прусса. Холил он ее и лелеял с самого детства, надеясь вырастить сушим ангелом.

– И что, удалось? – спросил поручик.

– Как бы не так! Она, видите ли, связалась с какими-то страшными колдунами и превратилась в оборотня. Короче говоря, опуская подробности, обезумевший от горя отец своими же руками лишил ее жизни.

– Что же так жестоко с родной-то кровью?

– Так она перед этим чарами свела в могилу почти всю свою семью: мать, сестру и двух братьев, – пояснил корнет.

– Тогда понятно, – кивнул Голицын. – В некоторой степени потрясенного родителя можно понять.

– Впрочем, это все неважно, – махнул рукой Булак-Балахович. – Так вот, местный владелец замка, некий князь с родословной, ведущей начало чуть ли не от императора Августа, оставаться в нем не решился и спешно подался в Кенигсберг или еще куда-то дальше. А в самом замке князь оставил кое-кого из прислуги и письмо.

– Письмо? И что же там было?

– Просьба «к вступившим на его землю русским воинам не грабить и бессмысленно не уничтожать произведения искусства» и так далее. Так вот один наш дурак пять резных

деревянных фигур топором порубил.

– Зачем? – удивился поручик.

– А они, видите ли, ему чертей напомнили. Из белой горячки. Да, представьте себе. Ну, наказали, конечно... А там, у немцев, и грабить не надо было. Их ведь так распропагандировали, рассказывая о русских всякие басни, что германцев буквально смертный ужас охватил. В первые дни они так бежать бросились, что побросали все, что было.

– Тихо! – воскликнул ехавший впереди Зимин. – Германцы.

Три конника, не теряя времени, свернули в лес. Место, где им пришлось наблюдать за тем, кто же движется им навстречу, оказалось весьма удобным. Холмистая местность на этом участке создавала возвышенность, с которой, как на ладони, была видна дорога, ползущая вверх.

По дороге двигался небольшой немецкий обоз из нескольких повозок. Запряженная цугом четверка лошадей везла огромную бочку.

– Так, – комментировал корнет, глядя в бинокль. – Немцев девять человек во главе с офицером...

– Конечно, трое против десяти – не лучший расклад, – рассуждая вслух, сказал Голицын и посмотрел на товарищей, – однако лихость, помноженная на внезапность атаки, наверняка поможет. Как думаете, господа офицеры?

– В первый раз, что ли? Порубим за пять минут, – с пренебрежением произнес Булак-Балахович, подбирая поводья

и поудобнее садясь в седле.

– Вперед! – скомандовал поручик.

Дав шпоры жеребцу, он выхватил шашку и махнул сверкнувшим, как искра, клинком. Всадники широким галопом вырвались из леса на ярко освещенную дорогу, ползущую вверх. Мелькая белыми бабками, жеребец нес поручика вперед. Расстояние до обоза быстро сокращалось. Справа, держа у стремени клинок, скакал Булак-Балахович, чуть дальше – Зимин. Добрые кони вынесли их на дорогу почти мгновенно. Сабля над головой поручика играла солнечным огнем. Зеленая сочная трава мягко прогибалась под копытами, ветер свистел в ушах. Естественно, в такой ситуации всадники скакали молча. Немцы, увидев их буквально в самый последний момент, что-то залопотали. Один из них, здоровенный как боров, схватив винтовку, сосредоточенно целился. Еще один тоже потянулся за оружием.

«Только бы успеть!» – стучала в висках мысль. От ветра слезились глаза. Выстрелил тот, кто целился в поручика. Пуля с мерзким визгом пробила фуражку, сорвав ее с головы Голицына. Немец, выругавшись, передернул затвор винтовки, однако это было последним, что он успел сделать. В следующее мгновение шашка Голицына опустилась ему на голову.

Недоумение немцев мгновенно переросло в панику. Да и что тут говорить – естественно, никто из них не ожидал ничего подобного в своем же тылу. Вследствие этого и при-

шлось поплатиться жизнью. В какие-то несколько минут все было кончено.

Всего три выстрела успели сделать обозники, да и те пошли в молоко, кроме пули, сбившей с Голицына фуражку. Попасть во всадника, да еще на полном скаку, – задача для обозников не такая уж простая.

Булак-Балахович прыгнул с коня на сплеховавшего толстого офицера. Тот попытался сопротивляться, но куда же ему было сладить с жилистым корнетом, который в минуту скрутил кайзеровца.

Через десять минут три офицера, спешившись, стояли посреди учиненного ими разгрома.

– Какая вонь! – с отвращением принюхиваясь к издающей отвратительный запах бочке, проговорил Зимин. – Вот от чего можно погибнуть на войне в первую очередь.

– Вот лучшее средство от вони, – изрек Булак-Балахович, достав трубку и принявшись раскуривать ее.

– Нет! Нельзя! – закричал с неподдельным ужасом немецкий лейтенант. – Уберите!

– Быстро он опомнился, – заметил Зимин.

– Что это вы русскому офицеру указываете? – с негодованием воскликнул Голицын. – Какое имеете право?

Немец тем не менее, изловчившись, вырвался и, подбежав к корнету, выбил у того из рук трубку, затоптав ее в грязь.

– Ах ты мразь! – вскипел Булак-Балахович. – Ну все – мое терпение лопнуло.

– Нельзя! – кричал немец, указывая на бочку – Там керосин! Все взорвется!

– Ах, вот оно что! – покачал головой поручик. – Видите, корнет, иногда поговорку о пороховой бочке можно перефразировать.

Ничего удивительного в том, что офицеры не могли определить керосин по запаху, не было. Дело в том, что бакинский керосин Нобеля, используемый в городах Российской империи для ламп, примусов и прочего, и немецкий керосин-горючее были абсолютно разными жидкостями. В керосин для военных нужд германцы добавляли некую особо воюющую субстанцию. Все объяснялось очень просто – чтобы не воровали, чтобы в случае воровства можно было сразу определить, кто украл.

Тем временем хорунжий Зимин уже осмотрел добычу в повозках. Кроме разного ненужного кавалеристам хлама, в обозе имелись и полезные вещи.

– Вот видите, господа, – демонстрировал он коллегам один из ранцев обозников, – у каждого есть так называемый «железный паек». У нас он фигурирует под более привычным названием «неприкосновенный запас». В паек входят две банки мясных консервов, две банки консервов из овощей, две коробки пресных галет, пачка отличного кофе и фляжка со шнапсом, не считая всяких мелочей типа спичек, табака, медикаментов и прочего.

– Неплохо, – оценил поручик. – Нам это тоже сгодится.

Впрочем, Голицына гораздо более интересовали немецкие документы.

– Удача! – восторженно воскликнул он. – Вот это повезло!

– О чем вы, поручик? – заглянул через плечо корнет.

– Горючее как раз и везли для того самого танка, который мы ищем!

– Не может быть!

– Не может, однако против факта не пойдешь. Это и есть тот самый шанс – один из тысячи, – возбужденно сказал поручик. – Здесь есть все, что нам надо. Смотрите сами: карты, аусвайсы и все положенные в подобных случаях бумаги...

Глава 9

В штабе русского Северо-Западного фронта генералитет обсуждал показания пастора Бетке, о которых подьесаул оперативно доложил «по инстанции».

– Возникает вопрос, а можно ли этому пастору доверять? – задумчиво произнес Жилинский. – Я, например, не питаю к этим показаниям доверия.

– Все-таки лицо духовное... Зачем ему врать, ваше превосходительство? – Самсонов был настроен более мягко.

– Пусть лицо духовное, но он прежде всего – немец... – протянул командующий.

В разговоре вдруг возникла неловкая пауза. Среди собравшихся здесь русских генералов один являлся этническим немцем.

– Простите, ваше превосходительство, я не совсем вас понимаю, – напряженным от волнения голосом произнес Ренненкампф. – Если я по крови немец, то что же выходит?

– Да ведь я не о том, Павел Карлович, – смутился Жилинский.

– А я о том, – взволнованно продолжил Ренненкампф. – Хочу напомнить, что мой род служит России с XVI века. Со времен Петра Первого наша фамилия не сходит со списков русской армии.

– Э-э-э, ваше превосходительство...

– Нет, вы послушайте: на серебряных трубах Кексгольмского полка, пожалованных императрицей Елизаветой, вырезана надпись: «1760 г. 28 сентября, в знак взятия Берлина, под предводительством Его Превосходительства генерал-поручика и кавалера Петра Ивановича Панина, в бытность полковника Ренненкампа». За сто пятьдесят лет до тысяча девятьсот четырнадцатого года русский полковник Ренненкампа дрался с пруссаками и брал Берлин!

– Ну что вы, право, Павел Карлович, – развел руками командующий. – Прошу покорно меня простить за мои слова. Ведь я же совсем другое имел в виду.

– И вы меня простите, – воинственный пыл генерала уже угас. Маленькое недоразумение было счастливо улажено.

– А как вам, Александр Васильевич, в новой должности? – поинтересовался Жилинский. – Освоились окончательно?

– Разбираюсь, ваше превосходительство, – ответил тот.

Генерал Самсонов в свои пятьдесят пять имел солидный послужной список. Он участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов, возглавляя 1-ю Сибирскую казачью дивизию. В боевых схватках на территории Маньчжурии Самсонов показал себя храбрым и умелым военачальником. За боевые заслуги был награжден орденами, золотой саблей с надписью: «За храбрость»... После войны он занимал должность начальника штаба Варшавского военного округа, затем атамана войска Донского и Семиреченского, а в 1909 году был назначен генерал-губернатором Туркестана, немало

сделав для развития этого края. Самсонов осваивал новые площади под посевы хлопка, в пустынях бурил артезианские колодцы, в Голодной степи проводил оросительные каналы.

В то время как в Средней Азии жизнь текла относительно спокойно, на западных границах империи назревала война. Летом 1914 года, прямо с Кавказа, где Самсонов с семьей проводил отпуск, он направился в Варшаву принимать командование 2-й армией. В войсках его знали как человека честных и твердых правил.

– Что еще хотелось бы отметить, – сказал начальник штаба, – так это то, что огромный ущерб нам наносит немецкий шпионаж. Взять хотя бы телефонную связь. Здесь, в Восточной Пруссии, каждый второй дом оснащен телефонным аппаратом.

– И что же?

– А то, что с любого фольварка немец способен докладывать о нашем движении прямо в штаб Гинденбурга. Несмотря на наши меры, аппараты маскируются где угодно, даже в собачьих будках. Вся территория наводнена немецкими шпионами. Особенно любят они переодеваться в женское платье. Таких случаев поимки уже было несколько только за последние три дня. А что же, позвольте спросить, у каждой женщины юбки задирает будешь? Причем становится их все больше и больше. Чувствуется и здесь, что готовится контр-удар.

– Вешать! – стукнул кулаком по столу Жилинский. – Ве-

шать беспощадно.

Генералы снова склонились над картой.

– Так вот, со слов пастора, допрошенного казаками, иско-
мый танк где-то в семидесяти верстах от предположительно-
го месторасположения прапорщика, – сказал Жилинский.

– Где это местечко? – близорукий Самсонов склонился
над картой. В свое время он помнил карту Пруссии как свои
пять пальцев. Мог, наверное, с закрытыми глазами найти лю-
бое поселение. А теперь надо по новой вспоминать, где и что
находится.

– Оно расположено вот здесь, – указал острием карандаша
генерал Жилинский место на карте.

– Да-да, теперь понятно.

– Значит, Гинденбург планирует наступление именно на
этом участке фронта, в районе Цвиккау, – заключил Реннен-
кампф. – Было бы весьма и весьма странно, имея такую уни-
кальную технику, оставлять ее в какой-нибудь дыре. Герман-
цы, без сомнения, попробуют использовать эту возможность
на полную катушку. К сожалению, наши разработки еще не
позволяют ответить на эту дьявольскую придумку точно та-
ким же образом, поэтому надо действовать на опережение.

– Все это, безусловно, очень хорошо, – взглянул генерал
Жилинский на своих коллег. – Однако надо бы проверить.
Одного источника информации недостаточно. Я, конечно,
понимаю, что информация, полученная нами, весьма важна
и к ней нужно отнестись в высшей степени серьезно. Брать

все на веру – это, извините, слишком большая для нас роскошь. Тем более что того количества войск, которое мы сегодня имеем, явно недостаточно для того, чтобы мы могли рисковать имеющимися у нас силами. Мобилизация, сами знаете, еще далеко не закончена. Поэтому повторяю, надо все проверить, причем самым тщательным образом.

– Но как? – развел руками Орановский. – Как мы это осуществим, позвольте поинтересоваться?

– А как же поручик Голицын? Его миссия и должна нам прояснить сложившуюся ситуацию, – генерал Жилинский встал из-за стола и прошелся по комнате. В помещении было душно, и он расстегивал ворот, никак не справляясь с неподатливой пуговицей. Подойдя к окну, командующий открыл форточку. – Как обстоят дела у него и его славных молодцев? С ним есть связь?

– Ждем-с, – ответил «Самсон Самсоныч». – Все, что нам остается – это ожидать, хоть занятие это приятным никак нельзя назвать. Та связь, которая у нас с ним имеется, – штука односторонняя.

– Ну, хорошо, – кивнул Жилинский. – Я предлагаю пока сообщить о приблизительном месте расположения «чуда-оружия» по беспроволочному телеграфу группе прапорщика.

– Хорошо, ваше превосходительство, так и будет сделано. Закончив обсуждение, генералы позволили себе немного расслабиться за чаем.

– А я, господа, недавно имел беседу с одним французским полковником, – насмешливо произнес Орановский. – Приставлен к штабу, уж не знаю, в качестве кого. Ну да ладно – союзники все-таки! Хотя, несомненно, понятно, для чего – учитывая их положение, они сейчас только и думают, как бы нас побыстрее отправить в наступление.

– Чтобы мы не только германцев за Вислу выбили и оттянули на себя большую часть дивизий с их Западного фронта, но и сами с территории Франции немцев выбили, – хмыкнул Самсонов.

– Видимо, да. Так вот, поговорив с союзниками, узнаешь для себя занимательнейшие вещи.

– Это вы о чем?

– Да все о том же – о разности души российской и западной. Ну, во-первых, стал он мне, этот француз, рассказывать о том, чем все-таки отличаются русская и французская армии. Я, говорит, с глубоким уважением отношусь к вашим солдатам – представляете: помогают разбить германцев, однако, господин генерал, кое-какие замечания позволю себе высказать.

– И что же он высказал?

– В солдатах наших, дескать, нет огонька. Вялые, расхлябанные... Ни тебе в них задора, ни юмора, ни легкости. Снабжение отстает, тыл работает нерегулярно... Сравните, говорит, господин генерал, наши войска и ваши.

– Какая же у солдат должна быть легкость? – пожал плеча-

ми Жилинский, прихлебывая чай. – Интересно... Главное, чтобы они были стойкими к врагу.

– Вот и я ему то же самое.

– И что же?

– «Все это хорошо, – ответил он мне, – но мы воевать можем только в таких условиях, которые обеспечат нам нормальное функционирование всего и в полном объеме».

– Да, союзнички, черт их дери! – тяжело вздохнул командующий. – А ведь умоляют спасти их ценою нашей крови.

Глава 10

На площади небольшого прусского городка одно из зданий, построенное в старинном традиционном стиле фахверка, занимал штаб восьмой армии. В комнате присутствовали командующий Пауль фон Гинденбург, начальник штаба Эрих Людендорф, несколько генералов и полковник Карл Диркер. Совещание имело своей главной целью обсудить положение в Восточной Пруссии и, кроме того, конкретную операцию по использованию той самой чудо-техники, на которую возлагались немалые надежды.

Кабинет, где проходило совещание, был большим помещением с окнами, выходившими на солнечную сторону. Косые лучи падали на наборный пол, на стол, стоявший в центре, заливая светом все уголки. Разговор, проходивший здесь, длился уже долго, о чем свидетельствовал клубившийся густым облаком дым сигарет. На столе лежала большая штабная карта, ставшая предметом активного изучения присутствующими.

– Мое предложение, господа, заключается в следующем, – вскинул голову Диркер. – Естественно, русские будут искать танк. Сомневаться в этом не приходится. Их разведывательная сеть работает весьма неплохо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.